

Григорий ТРУБНИКОВ,

директор ОИЯИ

«Ваш Буда». Так он подписывался в своих письмах. Юлиан Арамович Будагов — блестящий ученый, воспитавший несколько поколений классных ученых и инженеров, настоящий ветеран и ратник ОИЯИ, до мозга костей преданный своей Дубне, любящий муж и отец. И, конечно, наш добрый старший товарищ с открытым сердцем и постоянным фонтаном идей. Он очень верил в людей, хорошо разбирался в них. Был по-настоящему и по-полному добрым, готов был делиться всем чем угодно, лишь бы дело пошло вперед. Но и хозяйственный был тоже очень — помаленьку подсматривая отовсюду, убеждая и играя авторитетом — будучи уже совсем в преклонных годах, умудрился по крупницам и по индивидам создать уникальную лабораторию лазерной метрологии. Хотя преклонные года в применении к нему — лишь напоминание о записи в паспорте. Никакой он был не преклонный. Боец, крепкий такой человек. Мог и голосом командирским возмущение такой выразить на любом высоком совещании — куда тебе! Но меня восхищало всегда, насколько он был последовательный, упорный и, казалось бы, при этом неторопливый во всех своих делах: шла ли речь о написании обзора или о НИРиОКР (это он сам так говорил, в таких терминах). Но по итогу, по-крупному, в горизонте не суетных недель или месяцев, а 3–4 лет он и его группа всегда выдавали «на-гора». И это абсолютно правильный подход, который он исповедовал в науке и которому нас учил: главное в научном проекте — конечный результат и общий эффект от вложенных усилий, а не ежеквартальные промежуточные «отчеты». И еще он всегда говорил: «Пишите научные отчеты. В любом формате: статьи, обзоры, справки или... Это все ценная информация для других и оформленные новые знания». Потом как-то незаметно из этих, казалось бы, «лишних и никому не нужных» научных отчетов рождались диссертации и яркие обзоры, которые брали премии ОИЯИ. И вот это мастерство класть четкую мысль на бумагу он воспитывал в себе, насколько я понимаю, всю свою жизнь. И других убеждал в ценности такого умения. Многих, кстати, воспитал и убедил — они теперь неимоверно благодарны ему за эту школу жизни.

Ярче всего вспоминается всегда заря какого-то этапа, особенно если планка была задана сразу самая высокая. Вот и мой счастливый жизненный этап дружбы и сотрудничества с Юлианом Будаговым запомнился началом.

Первый раз благоприятные обстоятельства свели меня с Юлианом Арамовичем в 2006 г. у главного инженера ОИЯИ. Григорий Дмитриевич Ширков тогда организовывал фактически новую институтскую тему по ускорительной физике и технике. Тяжелое дело. В то время в ОИЯИ было довольно много небольших, но очень сильных групп ускорительщиков с яркими лидерами. Разноплановые все: источники, линаки, циклотроны, синхротроны, СВЧ, динамика пучков, расчетчики — уникальное научно-инженерное наследие великой страны. Выпускники университетов 1980-х гг., которые к середине 1990-х набрали пик формы. И не растеряли его, не эмигрировали из страны, но при этом были причастны непосредственно к самым ярким ускорительным проектам в США, ЦЕРН, Германии, Японии.

Ядром этой инициативы стал проект по участию ОИЯИ в ILC — масштабном мировом проекте уровня ЦЕРН. Казалось бы, как ОИЯИ на ту пору мог стать в нем серьезным игроком? Но Алексей Сисакян понимал прекрасно, что, прежде чем Дубне замахиваться на что-то свое огромное, нужно самую современную культуру организации таких проектов вначале «обкатать» на прототипе. Меня отобрали по итогам жесточайшего глобального конкурса на международную большую школу-конференцию в Японии, где Рольф Хойер (будущий директор ЦЕРН), Барри Бэриш, многие мировые аксакалы из физики частиц и «коллайдеростроения» проводили для нас десятидневный семинар обо всех элементах будущего международного линейного коллайдера: от теории и физики до сложнейших технологий полировки стенок ниобиевых резонаторов. Как на военных сборах: каждый день утром лекции, днем семинары и практикумы в лабораториях КЕК, вечером — индивидуальные отчеты-доклады и дискурсы до 11 вечера по профильным группам. По возвращении, как положено, я предложил сделать семинар в своем отделе, но Будагов и Сисакян настояли на общеинститутском семинаре. Что для меня, тогда совсем молодого и «необстрелянного» человека, был, конечно, огромный стресс. Тем не менее более часа я рассказывал обо всем, чем напился на этой японской научно-практической конференции. И, конечно, этот грандиозный проект вызвал большой интерес и ускорительщиков, и детекторщиков. А Юлиан Арамович со свойственной ему научно-инженерной интуицией мгновенно отреагировал и предложил участие ОИЯИ в ключевых и самых ресурсно эффективных узлах и технологиях: разработке полного цикла по ниобиевым резонаторам, сварке титана и ниобия для работы при сверхвысоком вакууме и при температуре сверхтекучего гелия, прецизионной метрологии. Ляповской своей группой (И. Н. Мешков) мы «добавились» с электронными пушками и позитронными источниками, фотокатодами и инжекционными лазерами (это уже спецы из ИПФ РАН). Ну и многое-многое другое. Очень интересный получился комплексный проект, прекрасная коллаборация с Саровом,

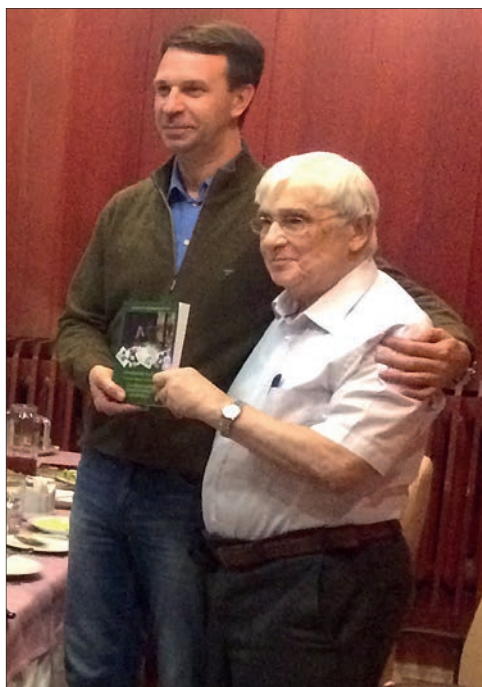

Г. В. Трубников и Ю. А. Будагов на праздновании 65-летия ОИЯИ. Март 2021 г.

Протвино, Новосибирском и Нижним Новгородом, а еще, конечно, Киевом (Институт Патона), Минском (БГУ, БГУИР, БГТУ) и Пизой (INFN, Италия). Потом присоединились Япония и Фермилаб. Замечательный проект по «сварке ниобия взрывом» (ни больше ни меньше), заваренный профессором Будаговым. И ведь сделали!

А потом была NICA, которая стала и для него «проектом живота». Проектом, от которого зависело будущее Института. Он очень деликатно подсказывал и рекомендовал порой очень красивые решения совсем нетривиальных проблем — еще бы, с его-то опытом! Он подключал в помощь по своим близким и самым крепким связям всё и вся на глобальном научном фронте: в ЦЕРН, Италии, Фермилаб и даже с посольствами США или европейских стран — когда было нужно оперативно решать совсем не научные вопросы по визам и приглашениям, по рекомендательным письмам. Про эту его искреннюю и неравнодушную поддержку Алексею Сисакяну, Владимиру Кекелидзе и мне в трудные для «Ники» годы ее становления и борьбы за место под солнцем можно вообще отдельную главу писать. Он очень хорошо чувствовал и понимал, на каком-то совершенно глубинном уровне, что такое установка большого масштаба, как ее «формировать», как коллектив подбирать, где уступать, а где нет. Остановлюсь здесь, ибо это и правда отдельная повесть.

Когда представляю его, вспоминаю сразу несколько забавных эпизодов, которым был сам свидетель или участник. Как-то выхожу с работы вече-

Г. В. Трубников и Ю. А. Будагов. 2019 г.

ром, уже темно, идет Ю. А. Б. через нашу площадь к вокзалу, в руках хозяйственная сумка, приглядываюсь — в ней топор, здоровый такой. Это он так (настоящий гвардеец и кавалер) встречал свою Люсеньку (Людмилу Норайровну), ехавшую последним экспрессом из столицы, — чтобы дать, если что, отпор любому хулигану. Говорит: «Один раз пристали, попытались ограбить, оттолкался, отмахался. С тех пор хожу с орудием и не дрогну, не пожалею, защищая свою даму сердца». И серьезно так настроен, в свои уже 70 лет тогда. Настоящий мужчина. Много историй рассказывал, анекдоты в лицах, некоторые высказывания за ним высекать можно было в бронзе. Заходил частенько перед обедом или в конце дня. Всегда с чем-то интересным: то статью принесет новую, то какую-то железку из ЦЕРН привезет, то как-то булаву настоящую гетманскую где-то откопал и мне торжественно вручил. Взгляд всегда такой из-под бровей, а глаза светятся и всегда улыбаются. Лучистый он, точно.

По выходным звонил, обычно с утра (он жаворонок), долго чего-то «вымучивал» для общей пользы дела, но по-доброму. Собирал нас (даже когда я уже работал в Москве и выбирался редко на выходные) с Вадимом Бедняковым, Григорием Ширковым и командой ляповской иногда в ресторане. «Чинно, благородно, по-старому». Заранее всех обзвонит, настоит (даже достанет:-). Призывает: «Держитесь друг друга и поддерживайте всегда».

Лабораторию свою (ЛЯП) первую и единственную любил безмерно. Зимой купит на рынке пару здоровых щук, попросит умелых девушек-поваров в ресторане нашем (у него везде были поклонницы и любимицы) сделать нам фаршированную рыбу, настаивал сам восхитительную «айвовку» и приглашал на дружеский вечер. Тамада и рассказчик был исключительный и бесподобный. Вообще на этих наших встречах стиралась любая разница в возрасте — он умудрялся так всех за столом объединить и сблизить, что сам становился нашим сверстником. Ему это было нужно. И нам тоже. Замечательные встречи, исключительно теплые и добрые вечера! Навсегда в памяти.

Конечно, безо всяких сомнений, он в первую очередь талантливый ученый с инженерным даром, с интуицией инженера, для которого главный результат — работающее «железо». Неважно: детектор, ускоритель либо точная механика. В этом он был весь. Он счастливый, везучий: за его плечами и с его самым непосредственным участием (и ответственностью!) — очень яркие советские, международные, российские уникальные экспериментальные установки: Дубна и Протвино, Даллас (сверхпроводящий суперколлайдер SSC), Фермилаб (тэватрон), ЦЕРН (Большой адронный коллайдер LHC), опять Дубна, ИС и т. д.

Ну и в том числе поэтому впечатлял всегда широчайший круг его друзей (не просто знакомых или коллег) по всему миру: яркие ученые и руководители крупнейших коллабораций — из ЦЕРН, Фермилаб, Италии, Германии и даже Японии с Китаем. Кто в соратниках был, кто в «подмастерьях», кто в студентах или аспирантах. И везде «его люди» — везде его фанаты и поклонники. Целая плеяда прекрасных ученых, которые знают и любят «Джулиана» (J. В. — так его тоже называли). Вот уж кто умел дружить — так это он! Его потрясающее чувство юмора и добрая отеческая забота о своих этих поклонниках — всегда были в наших поездках и встречах с ними. Еду я в ЦЕРН, Ю. А. всегда успеет зайти купить и занести мне пакет самых лучших шоколадных конфет для «своей» Фабиолы. Едем в Италию — передает банку варенья или грибов для своих друзей Бедески и Беллеттини. В Фермилаб летим — просит проведать свои «владения» (коттедж, который его группа в D0 и CDF снимает уже пару десятилетий) и обязательно передаст бутылку самой лучшей «Столичной» и кирпич «Бородинского» для Найджела Локьера и Сергея Нагайцева. Потрясающая широкая душа и талант «хватать» себя для всех. Прекрасная человеческая школа для нас — этот его образец светить всегда, светить во всем и всем.